***

Я люблю этот город –
обетованную степь,
на лице его порох,
он видел воочию смерть.
Он безумен, как шляпник,
разливший нечаянно ртуть.
Этот город внезапен,
но мне не в чем его упрекнуть.
Он стоит на границе –
силы света и силы тьмы.
Он немножечко рыцарь,
его горы – всего-то холмы.
Его вены, усталые вены –
потемневший асфальт дорог.
Его все обвиняют в измене,
сочиняют ему некролог.
Я люблю его, как ребёнка,
не болеет ли, не озяб?
Как же тонко в нём всё, так тонко,
но об этом сейчас нельзя.
Впрочем, в тонкости тоже сила,
тоже правда и благодать.
Я заранье его простила,
если будет за что прощать.

***

Вослед шипели: «Гордячка…»
Евдокия – дочь горняка и сама горнячка
обушком по-изотовски,
оставляя в земле полости,
на-гора поднимала гору,
поднимала город
с колен, на которые он не стал.
За кварталом квартал, за кристаллом
кристалл.
«Крепи, – кричит Королёва-мать, –
мы крепки, нас никому не взять,
не размазать оземь, мы и есть земля,
земля Шубина, земля чёрного короля!»
Под косынкой косы – чёрное серебро.
Евдокия – не женщина, не косточка,
не ребро.
Евдокия сама по себе хребет.
Говорила так: «Пашка-то наш поэт,
остальные рифмуют, но не до мяса
и позвонков,
а у Иванова гляди, как отскакивает от зубов.
Не вешай нос, лампонос, прославишься
через век,
будет время другой войны, будет в розах
снег,
но уголь во все времена чернее чёрного,
сам мрак.
Что стоишь и топчешься, заходи в барак!»
А в бараке свет изо всех щелей
да углы, что всех углов углей,
уголёк потрескивает в печи.
Сколько же в Донбассе ещё будет сволочи.

***

Наши степи гуманитарные,
наши улицы вне закона.
Выходи, поиграем в Нарнию,
выходи, поиграем в зону.
Потанцуем, пройдёмся под руку,
сумасшедшие – божевильные.
Нам и врозь не бывает холодно,
в рукавах у нас связь мобильная.
Март – разлапистый, разухабистый,
раздражённый и разрежённый.
Мне с тобой бы бродить до старости
в нашем марте вооружённом.
Мне с тобою играть бы в крестики,
нет, не в крестики, лучше – в нолики.
Мне бы малость твоей чудесности,
мне бы крайность твоей риторики.
Наши степи никем не признаны,
наши улицы артобстреляны.
Нас дурачат из телевизора,
то мы разные, то мы целые,
то мы чёрные, то мы белые…

***

Я не помню, каким он был,
больше помню, каким он стал,
то не плащ на нём – пара крыл,
то не кряж под ним – пьедестал.
То не солнце над ним встаёт,
а огромный следящий глаз,
то не воинство шло в поход,
а такие же, среди нас.
И звучал в голове металл,
для металла закон один.
То не кряж под ним – пьедестал
из живых человечьих спин.
И пока мы вот так стоим –
ядовитые, словно ртуть,
я прошу, передай своїм:
ничего уже не вернуть…

***

Кто читает все эти чёртовы сводки?
Налей мне водки, промой мои раны,
мы с тобой в подвале сидим, как
в подводной лодке,
имени русой Марии, имени плачущей Анны.
Наша лампа-лампочка, наша маленькая
лампада,
жёлтая, жуткая, внутриматочная спираль
мира.
Не гляди на меня, Мария, я боюсь твоего
взгляда,
помолчим, Мария, здесь каждое слово –
гиря.
Наш подвал укромен, четыре стены
и стулья,
а ещё эти полки с помидорами-огурцами.
Нас подвал уменьшает, съёживает, сутулит,
мы становимся даже не сёстрами –
близнецами.
А на завтра сводки, от которых мне сводит
душу,
а на завтра снова учиться ходить по краю.
Мы идём по улице – два морячка по суше,
мы с тобою ещё ни разу не умирали.

***

А в Донецке снова гудит земля,
словно в худшие времена,
только мама считает, что худшее впереди.
Дом – четыре стены, но одна стена
говорит: «Беги!»
Моя мама устала бояться
и устала вот так стоять,
словно вкопанная в беду.
Если вспять пространство
и время вспять,
то не смей подходить к окну.
Это зарево сызнова – не заря,
это зарево – зуб за зуб.
Моя мама, ни слова не говоря,
унимает дрожь, усмиряет зуд.
Ей давно не страшно, она кремень,
серый памятник площадной.
Мама точно знает, она – мишень.
Или кто-то из нас с тобой…

***

К предательству не страсть, но тяга,
держать в кармане оба флага,
жонглировать, кто больше даст.
За мой Донбасс, за твой Донбасс.
Спрос не рождает предложенье.
Вот воин, он к стихосложенью
не то, чтобы совсем младенец.
Скуластый рослый ополченец,
от всех скрывающий обличье:

«Поговори со мной на птичьем!»
Да говорю я, говорю же!
На языке цветов и кружев.
Про тех, кто нас ещё предаст,
про тех, кто нами будет предан.
И тем, и тем иконостас
на грудь повесят за победу.
А ты, давай, не у-мир-рай,
не умирай, не умирай,
не умирай, не умирай,
не умирай, не умирай…

***

Не предам никого из моих ненаглядных.
Я твоя страна, стою в платье нарядном,
в траурном платье иссиня-чёрном.
Мой первый муж был шахтёром.
Погиб. Придавило коржом.
Говорю о нём, только как о живом.
Мой второй был металлургом,
называл меня строго: «Моя супруга!»
Тоже погиб: случайно, нелепо, быстро.
Огня не боялся, боялся искры.
Мой третий был ополченцем.
Камуфло, тельник, берцы.
Тоже погиб. Под Ясиноватой.
Погиб вместе с единокровным братом.
И теперь я трижды вдова, твоя страна,
и вся жизнь впереди. Длинна. Я одна-
одинёшенька, нянчу Сашка́ и Са́шку,
оба носятся по двору в тельняшках,
целятся друг в друга косточками
абрикосовыми
малороссы-великороссы мои, дубинушки
стоеросовые.